

оппозицией — с другой. Конституционные обещания Александра I, которые еще недавно вселяли надежды на будущее, а ныне подвергающиеся беспощадной переоценке. В такой обстановке Вяземский и пишет свое «Уныние». Оно появилось лишь две недели спустя после завершения элегии «Первый снег». Оба стихотворения были высоко оценены Пушкиным: «...Они пленительны и оживительны, „Первый снег“ прелесть; „Уныние“ — прелестнее», — писал он (XIII, 15)¹.

На первый взгляд оба стихотворения — очень разные, тематически далекие друг от друга, с мало похожей историей создания. «Первый снег» писался долго и трудно (с 1816 по 1819 г.) и отослан А. И. Тургеневу 22 ноября 1819 г. А «Уныние» было написано относительно быстро, быть может на одном дыхании. 6 декабря Вяземский отослал Тургеневу и эти стихи.

Характерно, однако, что еще прежде Пушкина эти стихотворения сопоставил и противопоставил сам автор. «Ты из „Уныния“ хвалишь некоторые стихи, — писал он Тургеневу, — Желая знать, как думаешь и как думаешь о целом? Это — „бытие сердца моего“. За мысли и чувства отвечаю: они все оттуда. Но мне самому кажется, что в стихотворении нет той прелести, той увлекательности, без коей все — ничего, а с коей ничего — все. Будь эти стихи сочны и благовоны, то они были бы лучшим растением моего сада. Отчего это? „Зиму“ (т. е. „Первый снег“ — Э. О.) писал я более наобум; „Уныние“ — под шепотом сердца, а в „Зиме“ более истины, звуки полнее, выговор свободнее. Отчего это? Спроси у Жуковского. Нет, не спрашивай: у него, напротив, нет никогда разногласия с сердцем»². Чем объясняется неожиданное сравнение Вяземским двух столь различных своих элегий, в одной из которых он видит удачу, а второй, трезво оценивая ее достоинства и недостатки, отдает свое сердце?

«Уныние» — медитативная элегия, имеющая стройную композицию в духе образцов классической поэзии. Принятое обычно во вступлении обращение к эллинским богам искусств, к музе, заменено обращением к унынию, «вернейшему другу души». Обращение к унынию встречается в стихотворении трижды: в начале и в конце, а второе обращение четко делит элегию на две части и количественно и тематически, причем последнее завершает произведение, создавая впечатление того, что уныние — «друг» — эпитет не случайный, впечатление усиливается, и уныние из «вернейшего друга души» становится «единым другом обманутой души».

Центральный образ «Уныния» сначала производит впечатление необычности, слово «уныние» освобождается от своего значения и, наполняясь новым таинственным смыслом, становится как бы предметом одушевленным. Уныние (тоска, печаль, состояние отчаяния в общеупотребительном смысле) — не только «друг души», а и друг, с которым лирический герой делит печаль и радость. И странно звучит «делю... радость... с Унынием», если не знать, что смысл этого слова не просто шире, богаче общепринятого, но принципиально иной.

Отголоски этого образа слышны еще в «Первом снеге». Здесь Вяземский создает эпизодический образ уныния, наделенного «оживительным» эпитетом «томное»:

Унынье томное бродило тусклым взором
По рощам и лугам, пустеющим вокруг.

И вся последующая картина поздней осени встает перед «взорами» лирического героя «Первого снега» и... уныния. Это ему, Унынию, «кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг». Этот образ в элегии «Уныние»

¹ Все ссылки на сочинения и письма А. С. Пушкина даются в тексте по изданию: Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. I—XVII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937—1949. Римская цифра обозначает том, арабская — страницы.

² Остафьевский архив князей Вяземских. I. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812—1819. СПб, 1899, с. 381, 382 (далее в тексте — ОА).